

президиум административно высланного Максимчика. Присутствующие на вечере краснофлотцы предложили “Красному” удалиться с вечера. Он вступил в пререкания с ними и настаивал на своем предложении, при этом он находил поддержку со стороны 3-4 человек присутствующих. В результате моряки схватили “Красного” и с побоями вытолкали с зала вечера.

Несмотря на изъятие 3-х стеклографов и двух оригиналов листовок, троцкисты готовят к выпуску третью листовку, которую думают напечатать на оставшейся технике.

Нами приняты все зависящие от нас меры к тому, чтобы по возможности, листовка выпущена не была.

Нач. Одесского Окротдела ГПУ [підпис] (Леплевский)

Нач. 2-го отделения [підпис] (Рахлис)

Пом. Уполномоченного [підпис] (Григоренко)

21 сентября 1928 г.

гор. Одесса.

ДАОО, ф. 7, оп. 1, спр. 1606.-Арк. 194-198. Машинопис. Оригинал.

№5

Інформаційно-аналітична записка Тульчинського окрвдділу ДПУ про політичні настрої об'єкту “Інтелігенція”

Сов. секретно

“И Н Т Е Л Л И Г Е Н Ц И Я.”

(за время с 1/Х-27 г. по 1/Х-28 г.)

Основную массу интеллигенции Тульчинского Округа представляет учительство, каковое как и всю интеллигенцию нужно разбить на три разнящиеся группы: первая - лояльная к Соввласти, составляющаяся в большинстве из выходцев крестьянской среды - учителя советской формации. Роль этого учительства в проводимых Соввластью и Партией мероприятиях в большинстве положительная, изредка пассивная, мирная политика Партии и Соввласти всецело одобряется. Вторая группа - сменовеховцы - малозначительна, сюда же по проявлениям можно отнести и колеблющееся, неустойчивое учительство, настроения коего варьируются в зависимости от обстоятельств. Третья группа - антисоветская часть учительства, отрицательно относящаяся к школьным реформам, враждебно настроенная, с шовинистическими проявлениями и т.п.

Эти настроения в зависимости от индивидуальных качеств - выливаются в активность антисоветского характера, в какой плоскости главным образом будут оттенены в настоящем докладе, частично касаясь и группы №2, хотя в значительно меньших размерах.

Эти настроения весьма характерны в реагировании на внешние затруднения, на обострение международного положения СССР, с вытекающими отсюда ожиданиями “избавления от Соввласти” при способствовании этому внутренних затруднений.

Перерыв Советско-Германских экономических переговоров, обострение отношений с Францией, в частности претензии на советское золото САСШ истолковывались, как система экономической блокады и симптомы предстоящих вооруженных столкновений; высказывались подозрения, что: “Советская пресса уменьшила действительную сумму задержанного золота с целью не вызвать открытого недовольства”, возвращение золота было неожиданностью, так как считалось, что “золото безвозвратно пропало: не уплатили добром долгов Франции, так она сама себе уплатила, да и все равно задержанное золото - церковные ценности - даром большевики забрали, даром и отдали” (г.Тульчин, учителя - Соколов, Никитская и др.). “Хорошо, что задержали, этого и нужно было ожидать, только и видели, пусть не врут, что золото не французское” (Брацлавский агроном Григорович и др.).

Вокруг вопроса о разоружении, рассматривавшегося на 4-й подготовительной комиссией Женевской конференции толки сводились к выводам, что “Разоружение невозможно не только со стороны капиталистических государств, но и Советского Союза, так как капиталисты не смогут примириться с соседями такими же как они, не говоря уже об СССР”, “В итоге после конференции Англия выпустит несколько новых дредноутов, а Советское Правительство построит сотню новых аэропланов”. Часть интеллигенции считала, что речь т.Литвинова была “несколько груба”. Возможность войны в итоге обострений наводит на разговоры, что “...скоро начнется война, за границей уже деятельно ведут подготовку, в ближайшее время может что-либо вспыхнуть и нам останется только своевременно присоединиться, так как дальше терпеть созданное соввластью положение не хватает сил” (слова фельдшера с.Нестерварки, Тульчинского района Гаврилюка и др.).

Деятельности Коминтерна, в частности в колониальных

странах, предсказывается безуспешность, по словам агронома Косминского “все попытки Соввласти навязать коммунистический строй китайскому народу оказываются безуспешными, даже дикари-китайцы и те поняли, каково рода друзей они имеют в лице СССР (г. Тульчин и др.).

Главными факторами, давшими антисоветской части интеллигенции надежды на “взрыв изнутри”, что в увязке с капиталистическими окружением привело бы Сов.власть к краху: 1) прошедшая внутри в партии дискуссия и 2) экономические затруднения. Учительство и интеллигенция всех видов чрезвычайно оживились, в а/с слоях интеллигенции партопозиция вызвала чрезвычайную заинтересованность и “возродила надежды”; вместо прежней ругани “жидков”, как называли Троцкого и Зиновьева, начинается расхваливание их на всех перекрестках, так как “оппозиция хороша уже тем, что ослабляет влияние партии на массы, разлагает саму партию и подрывает устои Соввласти”. Так большинство учительства Гайсинского района (Чубеско и др.) восторгаются оппозицией: “Разве Троцкий не прав, когда говорит, что рабочий партиец боится голосовать по совести - попробуйте голосовать или свободно высказаться; такая дисциплина сжимает, а не ведет к самостоятельности, Троцкий же и Зиновьев - люди слишком свободолюбивы, для того, чтобы мириться с таким положением”. По словам учителя Волшановского “оппозицию не так-то легко разбить, все их речи, все тезисы бесспорно обоснованы”; “Посмотрите, сейчас на селе заправилами являются только кулаки, они побеждают и в этом вопросе оппозиция права на 100%” - слова учителя Николайчука (г. Тульчин) и т.п. моменты. В некоторых случаях оппозиции придавалась фантастическая окраска, исходящая от антисоветских элементов: “Во главе оппозиции стоят видные люди еврейской национальности, купленные заграничными банкирами-евреями и хотят привести СССР к гибели” (Гайсин, учитель Лазаркевич). Еще до принятия в отношении оппозиции энергичных мер со стороны интеллигенции высказывались предположения, что “оппозицию наверно посадят в Допр и таким путем расправится партия с бывшими вождями рабочего класса; а все таки они свое дело сделали, всколыхнули все массы и даже, если сядут, то все равно это оставит неизгладимый след” - (Тульчин - Загребельный).

Выступления оппозиции настолько расшевелили массу интеллигенции, как городскую, так и сельскую, что зачастую

учительство регулярно собиралось группами для обсуждения новостей, связанных с оппозицией. Так, в Песчанском районе в квартире местного попа регулярно собиралась группа учительства - Лотоцкий, Хаевский и др. Сама квартира, выбранная для сходок ясно характеризует к какой группе принадлежит учительство: оппозиция ими целиком одобрялась: "Троцкий прав в своих взглядах, а по своей роли в Октябрьской Революции он стоит чуть-ли не выше Ленина и нужно думать, что возьмет верх".

После XV-го партсъезда наблюдается заметное свертывание антисоветских тенденций и надежд, проявлявшихся с значительной активностью и "говорливостью". Выселение оппозиционеров расценивается как "...боязнь ЦК перед нарастающим авторитетом оппозиции, что могло бы привести к падению настоящего ЦК", "но какие-бы меры не принимались, все равно ЦК партии этим ничего не добьется, что понятно каждому политически грамотному человек, пройдет время и ЦК сознает свои ошибки" (Бершадский район - учитель Головатюк, г.Тульчин - Звинегородский и др.). К настоящему моменту все темы об оппозиции среди учительства - беспартийной массы окончательно иссякли и отзвуки прошедшей партдискуссии можно встретить крайне редко.

Вторым моментом, давшим надежу на взрыв изнутри являются затруднения, переживаемые Союзом на экономическом фронте: "...материальное положение крестьян и рабочих, особенно крестьян, в связи с недородом, с выкачками за последнее время, с налогами из года в год повышающимися - становится чрезвычайно тяжелым, недовольство среди крестьян растет, взять хотя-бы растущие сельхозналоги, а ведь сельское хозяйство в этом году переживает большой регрес, целый ряд ценных экспортных культур крестьянство заменило отсталыми из-за отсутствия посевматериала" (слова агронома Косминского). Несколько лучше положение рабочих и служащих, что еще усугубляет настроение крестьян, все это крестьянин видит и заявляет - "були пани і будуть"; тяжелое экономическое положение в значительной части является следствием бесхозяйственности Соввласти, а также вытекает из необходимости создания для Соввласти экономической базы на случай войны; пусть вспыхнет война, все эти настроения приведут к отказу масс населения в поддержке Соввласти: в годы революции у всех чувствовался подъем духа, в том числе и крестьян, каждый сознавал за что он борется,

теперь-же этого нет, крестьянство разочаровано, ведь таких нажимов оно никогда не переживало и крестьяне говорят, что - какая-бы власть ни была, хуже не будет; профсоюзная масса надежного оплота не представляет, так как низовые массы рабочих и служащих особых улучшений не видали; вывод один - назревающая опасность войны заставляет Соввласть тревожиться и применять все нажимы, так как война без подготовки (экономической) приведет к неминуемому краху. Расценка внутреннего положения в данной плоскости характерна и является общей для всей интеллигенции, с добавлением со стороны антисоветских слоев надежд на пагубные последствия внутреннего напряжения для Соввласти, сопровождаясь вдобавок злобными и ироническими выходками: "И это явление, что мы с трудом получаем по полфунта хлеба имеет место на 11-м году революции - когда у нас нет ни эксплуататоров, ни эксплуатируемых; много говорится о поднятии сельского хозяйства, об индустриализации страны, а с делом не увязывается" (Гайсинский р-н учитель Дашкевич и др.); "Всякие займы и кампании - это непомерная выкачка средств из села, доиграются, что выкачка хлеба даст толчок такой, как был дан Николаю" (слова агронома Карбовского и др.).

Положение с хлебом зачастую рисуется в паникерских красках: "Этот узаконенный грабеж вызовет открытое восстание, а пока говорится об улучшении быта трудящихся" (г. Тульчин); "На Северном Кавказе и в Крыму чрезвычайный голод, так как Соввласть конфисковала весь хлеб, возрастает уголовщина, скоро все селянство оттуда нагрянет к нам, и хотя внешней войны не имеется, но не позже весны будет внутренняя" - подобные разговоры наблюдаются в Тульчинском районе (ветфельдшер Олейник и ряд других).

При распространении займов среди самого учительства, таковые проходят более или менее гладко. Так, на Тульчинской райконференции обсуждался вопрос о реализации 2-го займа индустриализации. По докладу представителя союза "Робос", с предложением подписаться каждому учителю на заем в сумме месячного оклада возражений не было. Внешне это прошло гладко, на деле же 3/4 учительства было против этого предложения, что высказывалось после собрания, но каждый заявлял, что "Не желает выделяться отказом от подписки на заем" (учителя - Жардецкий, Полищук и др.). Относительно самой работы по распространению займа,

большинство высказывает намерение "...за эту работу не браться - на что она нам нужна".

Настроения медперсонала аналогичны в отрицательных моментах настроениям учительства: "Применение репрессивных мер на хлебном рынке - это последняя попытка Соввласти создать экономическую устойчивость, и конец этим произволам положит война" (Брацлав - Глуховецкий), "Соввласть все равно что погода, с той разницей, что погода идет к весне - к лучшему. Власть - же должна погибнуть, так как она подобна чахоточному в последней стадии: на свои средства существовать не может, из заграницы займов не дадут и приходится давить частника и крестьянина" (Тульчин - фельдшер Присевко).

Касаясь вопроса об отношении интеллигенции к проводимым экономкампаниям на селе, нужно остановиться на студенчестве педтехникумов. Большая часть их, являясь выходцами из крестьян, соответственным образом реагирует, заявляя, что "нашего бедняка, селянина обдирают, на ответственных постах сидят люди, незнающие жизни крестьян, которым кажется, что крестьянству хорошо, на деле же далеко не так" (Тульчинский педтехникум).

Затруднения на экономическом фронте учительства расцениваются как постепенное ухудшение, что отражается на их материальном положении: "Взять хотя бы зарплату - червонец ничего не стоит по сравнению с царским золотом и на деле мы получаем мизерную плату, систематически понижающуюся, благодаря падению червонца" (Гайсин - Богославский и др.). "Если учителям повышается зарплата, то одновременно этим преследуются цели - и купить и вернуть к себе деньги обратно через займы" (учителя - Корнич-Тарангородский и др.). Своим материальным положением довольны в большинстве педагоги лишь советской формации, не пользовавшиеся теми привилегиями, что имело старое учительство, особенно города, немирящиеся с настоящим материальным положением.

Настоящее политическое положение учительства и общественное расценивается, как нахождение между молотом и наковальней: с одной стороны нужно казаться лояльными, вести определенную работу на селе, с другой стороны - нужно учитывать, что селянство (зажиточное) и так недовольно мероприятиями Соввласти, и если учителю придется выступать в проведении кампании и т.п., то этим

самым он обостряет отношения с селянством. Отказ от общественной работы учительство оправдывает тем, "...что за нее не платят", на самом же деле подоплека значительно глубже и скрывается в приведенных выше мотивах (Ободовка уч.Семинский, Брацлав и др. районы). По словам учителя Никитского, "...сама история поставила учительство в такое положение, что оно должно работать тому, на чьей стороне сила, и следовательно - лавировать, мы не можем быть яркими революционерами, так как революцию делают те классы, у которых возникают противоречия, у нас же их не было и мы не класс". По словам учителя, заставляя его вести общественную работу на селе - прекрасно селянами учитывается - если какой нибудь учитель выступает на сходах с горячими речами, то крестьянин оценивает, что это обстановка требует видимой лояльности, а на самом деле он "наш" - селяне это прекрасно анализируют. Характерен взгляд большинства учительства на вопрос об антирелигиозной пропаганде: почти на всех райконференциях вырисовывалось мнение, сводящееся к тому, что мол "антирелигиозная пропаганда в той форме, в какой она сейчас существует своей цели не достигает, и гораздо лучше предоставить самому селянству идти по пути эволюции, а не нажимать на религию". Выдвижение этого проекта эволюции вполне ясно преследовало цель - избавиться от навязываемой антирелигиозной пропаганды, по указанным выше мотивам.

"Новшества" в школьном деле старым учительством встречаются враждебно, и таковое старается отделаться, ускользнуть от школьных реформ. Так, на конференции учительства в Бершадском районе отмечались выпады против новых школьных методов. По словам учителей - Огерчук, Клийчук и др., "...учительство когда-то знало себе школу, имело методику преподавания, сейчас же беда - революция залезла в педагогику и с каждым днем новшества - когда же, наконец, будет что-либо устойчивое".

Делается вывод, что "учительство зажали" - "вся активная общественность ушла в подполье, благодаря нажиму с методами царской охранки".

Крупным фактором, всколыхнувшим всю интеллигенцию в о/п является прошедший шахтинский процесс. Первоначально известия прессы о нем были встречены с недоверием: "Это - сплошная выдумка для того, чтобы прикрыть головотяпство и неумение ответственных работников,

сваливая вину на специалистов” - (слова группы учителей г. Брацлава), “Все дело на 99% дутое” (слова агронома Коминского) и т.д. Преступления шахтинских инженеров расценивались, как “...последствия того, что инженеры, как и большинство интеллигенции, находились и находятся в худших, как моральных, так и материальных условиях, чем при царизме, когда специалист всей душой отдавался делу, будучи в нем заинтересованным - это положение и повлекло за собой шахтинский процесс; экономическая заинтересованность при работе имеет огромное значение, и каждый стремится к наживе - разве у нас нет таких работников не только специалистов, но и ответственных партийцев” (Гайсинский район - учитель Чубченко и др.). “Соввласть ничего не может сделать с наступающей экономической разрухой, а поэтому сваливает вину на шахтинских инженеров да прибавляет налогов” (Ободовский район, учитель Аштанар). Советская часть интеллигенции высказывала мнение, что “права компартия в своем недоверии к специалистам, что ясно и показало шахтинское дело”. Эта же часть интеллигенции встретила приговор по делу с мнением, что “...приговора нужно было ожидать более сурового, принимая во внимание вред, причиненный шахтинцами, нужно думать, что в мягкости приговора - боязнь Соввласть перед крутыми мерами” (Ободовский район). Формально интеллигенция осуждает шахтинцев. Так, на съезде специалистов отмечались выступления с требованиями сурового приговора, в кулуарных же беседах взгляд высказывается несколько иной; так по словам лесничего Пасыкова, “...глупо было бы расстрелять таких великих спецов - светил СССР, без них соввласть не обойдется; а в сущности - многие участники шахтинского дела по своему могут быть оправданы - ведь они увеличили количество добывания угля за счет качества, что и требовалось в связи с ростом потребления”.

В настоящее время, по прошествии 3-х месяцев после шахтинского процесса, наблюдаются такие разговоры: “В итоге дела продукция рудников пала и теперь уже равняется 90% до шахтинского дела и это естественно, ведь инженеры путем громадных усилий и ряда лет добивались поднятия дисциплины, а с ней и производительности и вдруг шахтерам дали возможность расправиться, результаты налицо - 10% падения продукции”, “говорят, что положение в шахтах катастрофическое - дисциплина пала, инженеры и

техники бегут с Донбасса, рабочие пьянствуют и т.п.” (Тульчин, инженеры Порубиновский, Якубовский и др.).

В итоге шахтинского дела ведутся разговоры, что Соввласть стремится специалистов заменить новыми работниками - партийцами, “а ведь коммунисты только и способны на то, чтобы вести агитацию, не выполняя фактической работы” (Тульчинский р-н, уч.Жардецкий); “Остается только учиться, потому что через несколько лет нам, беспартийным, ничего не останется делать, так как везде позаседают партийцы и комсомольцы, что уже чувствуется и сейчас” (Гайсинский район - Дембовский и др.).

Из антипартийных настроений нужно отметить довольно серьезное явление в техникумах, где отмечались тенденции ряда лекторов к изживанию коммунистов. Так, в Тульчине лектор Савицкий на собраниях старался выпячивать только худшие стороны руководства партийцев, выдвигая кандидатуры беспартийных учителей и группируя вокруг себя беспартийное студенчество. Этот же Савицкий с лекторами - Ходаком, Онуфриевичем стремился на заседаниях совета и профкома “проваливать” студентов-комсомольцев, выискивая в классах всевозможные придирки и проч. На сахзаводах со стороны техперсонала наблюдались явно недобросовестное отношение к выдвиженцам-партийцам (Соколовский сахзавод). Аналогичное наблюдалось и в других случаях.

Текущие экономкампании дали толчок шовинистическим настроениям. По словам учителя Гинковского (Брацлав) “Украина с давних времен терпит притеснения со стороны различных государств, в частности со стороны России, так как имеет много хлеба и других богатств. Кричат - Украина - а фактически набрасывают новое ярмо и таких невзгод, как сейчас украинское крестьянство никогда не переживало”. Украинские настроения наблюдались довольно часто, как в селе, так и в городе. В капелле имени Леонтовича учитель Скалецкий стремился использовать легальную работу в контрреволюционных целях. Так, песни разучивались исключительно национально-шовинистические, характер бесед - шовинистический, пропитанный враждебностью и иронией к ЛКСМУ. Эти настроения в большинстве случаев увязываются с антисемитизмом. Так, по словам учителя Житкевича (Песчанский район): “Всюду незадоволення Радвлагою, всюди позасідали жиди і душат наших”. По словам учителя Ольгопольского района Печеного: “На чорта ця Радвлада,

на чорта ці комуністи - як комуніст, то завжди або злодій, або ще що-небудь інше. Нащо нам жидова у школі - таке нечисте падло, на іспитах їх треба зрізувати - нехай не буде ні одного жида в школі. Эх - коли б лопнула Радвлада, тоді Україну можна звільнити з під галоша жида та Москви". Шовинистические настроения значительно шире, чем приведено выше и этим не исчерпываются.

Антисемитизм чувствуется среди студентов техникумов. Так, среди студентов Тульчинского педтехникума при разрешении на заседании профкома вопроса о посылке на работу - неоднократно можно было услышать: "І тут посилають жидів, а не наших" (студенты - Уманский, Пекарчук и др.). В Гайсинском педтехникуме антисемитизм отмечается в значительно больших размерах, им же заражены и комсомольцы. Имел место случай, что комсомолец Цымбалюк, подойдя к студентке-еврейке, выразился: "Тобі тут не місце, твоє місце в Палестині"; Цымбалюк заявляет, что "...в случае войны, он пойдет бить жидов". Комсомолец Маслянка В. замечался в разговорах, что "нужно бить евреев, так как они сидят на шее украинского народа". Студент Олейник - безпартийный, в беседе с другим студентом заявил: "Ох, как я ненавижу евреев" и даже предложил убить ученицу Малис, "потому что она еврейка". В этом техникуме антисемитизм определенно нарастает, каких-либо мер к изжитию его не принимается.

Перечисленные выше настроения являются общими, как для городской интеллигенции, так и для сельской, в отношении сельской необходимо еще оттенить моменты отрицательного влияния на окружающую среду селянства. Зачастую наблюдаются связи с антисоветскими элементами села, духовенством и кулачеством. Обычно это сопровождается отрывом от общественной жизни, а временами - антисоветской работой, как лично, так и через вдохновляемых зажиточных селян и т.п. Характерный момент имеем в Ладыжинском районе, где группа учителей - Алексеев, Сорочишина и др. собирались у местного попа, откуда в итоге начала исходить агитация против самообложения, в частности она проводилась по падеям в кучках селян. Выступления против кампаний - явление нередкое. Так, в Тульчинском районе учитель Балашук при проведении по селу самообложения, выступил на сходе, называя самообложение грабежом. Учитель Кучер, когда все село озабочено вопросом о сельхозналоге -

искажает цели и причины налога, поясняя, что: “Соввласть потому увеличила налог, чтоб улучшить жизнь служащих за счет села”. Он же распространяет слухи паникерского характера о войне. В Бершадском районе в период зимней хлебозаготовки отмечались разговоры: “Правительство выкачивает хлеб, ввиду того, что весной ожидается война и нужно вывезти хлеб с Украины - дураки будете, если отдадите зерно, все равно Соввласть не удержится”. В Крыжопольском районе учительница Салтиска ведет среди селян разговоры, что: “Советская Власть вовсе не заинтересована в улучшении жизни села, взять хотя-бы кооперацию, она только выкачивает деньги в селян, увеличивает паи, а небось мануфактуры да муки не даст”. В этих разговорах вырисовывается часто явное намерение возбудить нацрознь. Так, учитель Мясковского района - Михневич, будучи в кооперативе, обратился к присутствовавшим селянам: “Дурні Ви мужики, що пускаете до себе жидів до кооперації - хіба самі не обійдетесь”, “Вся власть в руках жидів, а українець як при цараті нічого не мав, так і зараз” (Тульчинский район).

Подобные выступления сельучительства чутко воспринимаются селянской массой и дают крайне нежелательные последствия.

[без підпису]

ДАВО, ф.П-31, оп. 1, спр. 706.-Арк. 68-74. Машинопис. Незавірена копія.

№6

**Спецзведення Одеського окрвдділу ДПУ
про політичні настрої населення м.Одеси
у зв'язку з опублікуванням повідомлення про ліквідацію
“Спілки визволення України”**

Сов.секретно

**С П Е Ц - С В О Д К А
О НАСТРОЕНИЯХ В СВЯЗИ С ОПУБЛИКОВАНИЕМ
ИЗВЕЩЕНИЯ
О ЛИКВИДАЦИИ “С П І Л Қ И В И З В О Л Е Н Н Я
У К Р А Ї Н И”**

по состоянию на 27 ноября 1929 года

Опубликование извещения ГПУ УССР о раскрытии “СВУ” вызвало живейшие отклики во всех кругах населения. На заводах и фабриках, в ВУЗах, среди научных работников